

Глава 20

Любопытство Нин Шуана взяло верх. Он на цыпочках подошел к журнальному столику и уже протянул руку, чтобы взять птичку, но та, вспорхнув, сама опустилась ему на ладонь.

— Цзи Хуайчжи, смотри! — восторженно прошептал Нин Шуан. Бережно держа птицу в сложенных ладонях, он медленно подошел к нему.

Цзи Хуайчжи бросил на Сюаньцюэ мимолетный взгляд, но тут же перевел его на лицо Нин Шуана, сияющее искренней радостью. Тот, склонив голову, с нежностью разглядывал крошечное создание. Его длинные, похожие на веера ресницы отбрасывали легкую тень на щеки, а в уголках губ играла улыбка, подчеркивая очаровательные ямочки.

— Возможно, это дикая птица, — без тени эмоций произнес Цзи Хуайчжи, в его голосе сквозило неприкрытое пренебрежение. — Она может быть грязной.

— Гу-гу, — запротестовала птичка, взмахнув крыльями.

— Правда? — с сомнением переспросил Нин Шуан.

Он наклонился и поднес птичку к лицу, чтобы вдохнуть ее аромат. От нее исходил свежий, приятный запах.

— Она так хорошо пахнет, и перышки у нее блестящие, и сама она такая упитанная... По моему, она больше похожа на домашнюю.

Видя, как Нин Шуан с нежностью потерся кончиком носа о перья Сюаньцюэ, Цзи Хуайчжи нахмурился. Прикрыв рот ладонью, он несколько раз кашлянул, и этот звук немедленно привлек внимание Нин Шуана.

— Что случилось? Ты простудился? — тут же с беспокойством спросил тот.

— Ничего, — покачал головой Цзи Хуайчжи, лицо которого и впрямь выглядело нездоровым. — Наверное, из-за открытого окна... продуло.

— Ох, — спохватился Нин Шуан. Он подбежал к окну, выпустил птицу на волю, а затем плотно закрыл створки и задернул шторы. — В холодную погоду лучше не открывать окна. Зимы в Хуайане довольно суровые.

— Хорошо, — согласился Цзи Хуайчжи, принимаясь собирать разбросанные на столе бинты и пузырьки с лекарством.

Нин Шуан подошел к нему и с интересом оглядел комнату.

Она была точным отражением своего хозяина — минималистичная и строгая, с едва уловимым ароматом сандала. Большинство вещей остались прежними, комната почти не изменилась с момента его заселения. Единственным исключением был письменный стол.

На нем высились стопки новых книг. Нин Шуан, склонив голову набок, принялся разбирать названия и с удивлением обнаружил, насколько широк круг интересов Цзи Хуайчжи: от программирования и языков до лингвистики и филологии.

— Это все ты читаешь в библиотеке? — с любопытством спросил он.

— А что?

— Да нет, ничего, — покачал головой Нин Шуан. — Я просто думал, ты занимаешься по своей специальности, готовишься к экзаменам или поступлению в магистратуру.

— Это не к спеху.

— Ну да, ты ведь только на первом курсе, — согласно кивнул Нин Шуан.

— О, а это же книга по моей специальности! — он вытащил с полки том, посвященный биомедицине, и, пролистав несколько страниц, увидел, что поля испещрены аккуратными, подробными записями.

В этот миг Нин Шуан открыл для себя новую грань Цзи Хуайчжи.

Гений.

Он был рожден для учебы.

— Я просто просмотрел, — сказал Цзи Хуайчжи, — многого не понял.

Нин Шуан поставил книгу на место и с уверенностью заявил:

— Не могу говорить за другие области, но в своей я разбираюсь. Так что если что-то будет непонятно — не стесняйся, спрашивай!

— Хорошо, — ответил Цзи Хуайчжи. Сжатая в кулак рука, до этого момента спрятанная за спиной, медленно разжалась.

— Ладно, я пойду, — Нин Шуан поднял аптечку. — Если рана будет беспокоить, сразу говори. Я в соседней комнате, не стесняйся. Будет обидно, если на таком красивом лице останется шрам.

— Да, спасибо тебе, — Цзи Хуайчжи проводил его до двери и смотрел, как тот спускается вниз и убирает аптечку в шкафчик в прихожей.

Вернувшись в комнату, он плотно прикрыл за собой дверь.

В воздухе витал чужой аромат — легкий, свежий запах, принадлежавший Нин Шуану. Это был не запах геля для душа, а его собственный, уникальный аромат, который Цзи Хуайчжи ни с чем бы не спутал.

Он подошел к столу, взял книгу, которую только что держал в руках Нин Шуан, и медленно пролистал ее до последних страниц. Между ними была заложена маленькая фотография. Цзи Хуайчжи осторожно извлек ее.

На снимке был Нин Шуан.

Судя по всему, фотография была сделана на первом курсе. Он был в камуфляжной форме для военной подготовки и улыбался — открыто, дерзко, заразительно. Цзи Хуайчжи достал из кармана еще одну фотографию — свою собственную, сделанную в то же время.

Он аккуратно положил их рядом.

В его взгляде промелькнула непривычная нежность.

Но тут же брови его снова сошлись на переносице. Он коснулся повязки на лбу. Шрам...

Неужели останется шрам? Если да, то он больше не понравится Нин Шуану? Сейчас у него не было ничего, кроме лица, которое, как ему казалось, единственное и привлекало Нин Шуана...

Эта мысль не отпускала его до самого сна. Он совершенно забыл о белой птице, оставшейся за окном.

На следующее утро Нин Шуан, как обычно, проснулся для пробежки. Вернувшись, он обнаружил, что Цзи Хуайчжи снова приготовил завтрак.

Нин Шуану стало немного неловко. В конце концов, Цзи Хуайчжи был ранен, но все равно готовил для него, здорового и невредимого.

— Тебе же сегодня не нужно на военную подготовку, почему ты не поспал подольше? — спросил он, подходя ближе. Из кастрюли доносился аппетитный аромат томатно-яичной лапши.

— Не спалось, — честно ответил Цзи Хуайчжи.

Нин Шуан нахмурился и, склонив голову, взглянул на повязку на его лбу.

— Рана болит? Может, съездим в больницу?

— Совсем немного, это не мешает, — Цзи Хуайчжи легонько коснулся повязки. На самом деле, боли не было совсем. Ему просто нравилось, когда Нин Шуан о нем беспокоился.

— Если завтра будет болеть, я отвезу тебя в больницу.

— Хорошо, спасибо.

— Не за что, — Нин Шуан поднес руку к лицу, направляя к себе пар, поднимающийся от кастрюли. Насыщенный томатный аромат заполнил ноздри. — Лапша готова?

— Да, можно есть, — Цзи Хуайчжи выключил огонь.

— Я принесу тарелки и палочки! — вызвался Нин Шуан.

После завтрака ему нужно было ехать в университет. Опираясь на обувной шкаф, он, переобуваясь, говорил Цзи Хуайчжи:

— Обедать я, скорее всего, буду в столовой, и домой на дневной сон не приеду, так что на меня можешь не готовить. Вечером, перед тем как поехать домой, я напишу. Если почувствуешь себя плохо, обязательно сообщи.

— Хорошо.

Когда Нин Шуан завязал шнурки, Цзи Хуайчжи снял с вешалки его сумку и протянул ему.

— Ну, я пошел. До вечера, — Нин Шуан открыл дверь и, обернувшись, помахал ему рукой.

Он шагнул с порога прямо в утренний свет. Золотые лучи солнца играли на листьях деревьев

во дворе, и капли росы на них вспыхивали ослепительными искрами.

Цзи Хуайчжи, прислонившись к дверному косяку, долго смотрел ему вслед. Когда силуэт Нин Шуана скрылся из виду, белая птица, сидевшая на ветке большого дерева, сорвалась с места и полетела следом.

В обед Нин Шуан поел в столовой, а на дневной сон отправился в общежитие к Чжао Вэйляну, где они уместились на одной кровати.

День пролетел незаметно.

Нин Шуан провел время с первокурсниками и, лишь когда те разошлись, взял свою сумку и собрался уходить.

— Старший Нин Шуан! — окликнул его сзади неуверенный мужской голос.

Он обернулся и с удивлением узнал Чэнь Лу.

— А, это ты. Что-то случилось?

Чэнь Лу кашлянул и, достав из-за спины стакан с молочным чаем, протянул его Нин Шуану.

— Старший, это вам.

Уши и щеки парня пылали.

— За что это вдруг? — удивился Нин Шуан.

— Когда я болел, вы навещали меня и... много со мной разговаривали. Я очень вам благодарен.

Нин Шуан уже почти забыл об этом случае. Он взял чай.

— Вот оно что. Тогда спасибо.

— Н-не за что, — Чэнь Лу отдернул руку и принялся тереть край своей одежды.

Нин Шуан принялся. От парня исходил сильный запах парфюма.

— Ты пользуешься духами?

— О-очень заметно?! — испуганно спросил Чэнь Лу, поднося руку к лицу.

— Ничего страшного, — улыбнулся Нин Шуан. — Приятный аромат.

Чэнь Лу с облегчением выдохнул и, опустив голову, запинаясь, спросил:

— Старший, вы... вы сегодня вечером заняты? Может, поужинаем вместе?

Нин Шуан был в замешательстве. С точки зрения Чэнь Лу, он не сделал для него ничего особенного. К чему тогда эти чай и приглашение на ужин?

— Извини, но я должен идти домой. Меня ждут с ужином, — вежливо отказался он.

Чэнь Лу сжал кулаки.

— Хорошо, ничего страшного, — после небольшой паузы произнес он. — Тогда... будьте осторожны по дороге домой.

— Хорошо, — Нин Шуан закинул сумку на плечо и, взяв чай, ушел.

У ворот университета он написал Цзи Хуайчжи, что уже ждет автобус. В ответ пришла фотография — рука со сковородкой, на которой что-то жарилось.

Рука, державшая лопатку, была очень красивой: длинные, тонкие пальцы с четко очерченными суставами, бледная кожа, на тыльной стороне ладони проступали синеватые вены. Несмотря на изящество, в ней чувствовалась сила.

[Цзи Хуайчжи: Будь осторожен]

Сев в автобус, Нин Шуан несколько раз увеличивал и уменьшал фотографию, а затем написал в ответ:

[Нин Шуан: Цзи Хуайчжи, я заметил, у тебя очень красивые руки]

Ответа долго не было.

Лишь когда автобус подъехал к его остановке, и Нин Шуан, протиснувшись сквозь толпу, вышел на улицу, телефон дважды вибрировал.

Пришло два сообщения.

Одно от Цзи Хуайчжи: [Правда? Ты уже приехал?]

Второе с анонимного номера: [Вечером приходи сюда с наличными и забирай [Изображение]]

Нин Шуан сначала ответил Цзи Хуайчжи: [Вышел из автобуса, скоро буду дома]

Затем он открыл второе сообщение. На фотографии был изображен укромный уголок под мостом на ночном рынке. Сегодня утром Нин Шуан через Мин Циннин раздобыл контакт продавца «лекарства». Притворившись покупателем, он вел с ним переписку весь день.

Они договорились встретиться сегодня вечером под мостом, когда откроется рынок.

Нин Шуан холодно ответил одной точкой.

Едва он подошел к калитке, как из дома донесся аромат жареной еды, который мгновенно развеял всю его дневную усталость. Он взбежал по ступеням и уже достал ключ, когда дверь открылась изнутри.

На пороге стоял Цзи Хуайчжи. Выражение его лица было, как всегда, холодным, но во взгляде читалась теплота. Нин Дуньдунь выскочил из-за его ног и закрутился у ног Нин Шуана.

— О, ты куда-то собрался? — спросил Нин Шуан, наклоняясь и хватая пса за ошейник, чтобы тот не выбежал на улицу.

— Нет, — объяснил Цзи Хуайчжи. — Нин Дуньдунь услышал, что ты пришел, и я решил открыть тебе дверь.

— Вот как, — кивнул Нин Шуан и погладил пса по голове. — Пойдемте внутрь. Ты еще

готовишь? Может, нужна помощь?

— Нет, уже все готово. Иди мой руки, будем ужинать.

— Хорошо! — Нин Шуан снял сумку и повесил ее на вешалку, а стакан с чаем поставил на обеденный стол.

Цзи Хуайчжи вынес из кухни последнюю тарелку — суп. Нин Шуан тут же принялся раскладывать рис по пиалам.

На столе стояли четыре блюда и суп. Оказалось, что Цзи Хуайчжи готовит не хуже него. Благодаря ему, Нин Шуану больше не нужно было самому вставать к плите после возвращения с учебы.

Он был голоден как волк. Обед, съеденный в столовой, давно переварился. Проглотив несколько больших ложек риса, он наконец почувствовал, что оживает.

— Как же вкусно, — счастливо произнес он.

Цзи Хуайчжи пододвинул к нему одно из блюд.

— Я боялся, что тебе не понравится.

— Очень вкусно.

— Рад это слышать.

За ужином они непринужденно болтали. Цзи Хуайчжи рассказал, как провел день, а Нин Шуан поделился всем, что произошло с ним в университете.

Цзи Хуайчжи внимательно слушал, и настроение его необъяснимо улучшалось.

После ужина Нин Шуан вымыл посуду. Вернувшись в гостиную, он увидел, как Цзи Хуайчжи играет с Нин Дуньдунем на диване. Улыбнувшись, он достал из шкафчика аптечку и подошел к нему.

— Давай я поменяю тебе повязку.

Цзи Хуайчжи отпустил пса и, положив руки на колени, поднял голову.

— Спасибо.

— Не за что, — Нин Шуан наклонился и достал из аптечки свежий бинт и антисептик.

Он придвинулся ближе, и Цзи Хуайчжи замер, затаив дыхание. Он уловил чужой, незнакомый аромат.

Нин Шуан всегда приносил с собой с улицы множество запахов, но все они были едва уловимыми. Сегодняшний же был другим — сильный, навязчивый запах парфюма, который мог остаться только при очень близком контакте.

Кто это был?

С кем Нин Шуан провел время?

Цзи Хуайчжи поднял глаза. Длинные ресницы коснулись запястья Нин Шуана. Тот инстинктивно отстранился, но резкий запах никуда не исчез.

Сюаньцюэ вернется только ночью и лишь тогда расскажет ему о том, что произошло днем.

До тех пор Цзи Хуайчжи оставался в неведении.

Хороший это был человек или плохой? Друг? Возлюбленный? Поклонник? Он не знал.

Мысли вихрем пронеслись в его голове, дыхание участилось. Нин Шуан, не подозревая о его внутренней буре, заметил лишь, как тот сжал кулаки. Он тут же коснулся его руки.

— Я сделал тебе больно? — мягко спросил он.

Тепло его ладони прогнало мрак, сгустившийся в душе Цзи Хуайчжи. Его взгляд смягчился, сердцебиение и дыхание пришли в норму.

<http://bllate.org/book/13683/1212374>